

УДК 02:001(091)(470)
ББК 78.3в+78.3г(2)

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ МЫСЛИ В БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИИ

© Е. А. Плешкевич, 2015

*Российская государственная библиотека
119019, г. Москва, ул. Воздвиженка, 3/5*

Статья посвящена разработке понятия «научная мысль» как методологической категории в истории библиотековедения. Рассматриваются процессы зарождения и формирования научной мысли в отечественном библиотечном деле и библиотечной науке на начальном этапе, то есть с момента зарождения до ее институционализации как научной дисциплины.

Отмечается двойственность научной мысли в библиотековедении: ее дифференциация на библиотечную мысль – форму суждений в библиотечном деле, основанную на обобщении повседневного опыта и обыденных знаний, и мысль библиотековедческую, основанную на научных методах.

Предложено связывать зарождение библиотечной мысли с появлением библиотек как институциональных учреждений в XVI–XVII вв., а не отдельных книжных коллекций, отделяя ее тем самым от проявлений мысли в книжном деле. При этом в развитии библиотековедческой мысли выделяются два этапа: вспомогательный, когда она формировалась в рамках других научных дисциплин, обеспечивая их развитие, в частности педагогики; и автономный, или самостоятельный, связанный с осмыслением библиотеки в качестве самодостаточного социального института.

Зарождение библиотековедческой мысли связано с деятельностью В. И. Соболевского, отечественного ученого, впервые использовавшего сравнительный метод в изучении библиотечного дела. Предложено рассматривать отдельные идеи Н. Ф. Федорова как одно из проявлений теоретической научной мысли в отечественном библиотековедении.

Ключевые слова: теория и история библиотековедения, библиотечная мысль, В. И. Соболевский, Н. Ф. Федоров.

The paper is devoted to the development of «scientific thought» as a concept and a methodological category in the history of library science. The processes of generation and formation of scientific thought in the domestic librarianship and library science at the initial stage, i.e. since its inception to institutionalization as a scientific discipline, are examined.

The duality of scientific thought in library science is marked: its differentiation into the library thought – a form of judgment in librarianship based on a generalization of everyday experience and knowledge, and the thought of library science based on scientific methods.

It is suggested to associate the origin of the library thought with the emergence of libraries as institutional establishments in XVI–XVII centuries, rather than individual book collections, thereby separating it from the thought manifestation in bibliography. There are two stages in the development of librarianship thought: an auxiliary one, when it was formed in frames of other scientific disciplines, ensuring their development, in particular pedagogy, and an autonomous or independent one, associated with the comprehension of the library as a self-sufficient social institution.

The origin of library thought is associated with the activities of V. I. Sobolshchikov, a domestic scientist who first used a comparative method in studying librarianship. It is suggested to consider some N. F. Fedorov's ideas as manifestation of theoretical scientific thought in the national library science.

Keywords: theory and history of library science, scientific thought in library science, V. I. Sobolshchikov, N. F. Fedorov.

Методология истории библиотековедения – одно из направлений современных библиотечных исследований. Его актуальность во многом обусловлена потребностями в разработке нового методологического инструментария, позволяющего эффективнее обрабатывать уже имеющийся, значительный по объему, фактографический материал. Среди методологических инст-

рументов, позволяющих решить эту задачу, – научная мысль, форма и содержание которой адаптируются под конкретную научную отрасль. Так, известны философская, экономическая, социологическая, религиозная и иные формы мысли.

В библиотековедении, как показывает анализ научной литературы, принято выделять две формы мысли – библиотечную и библиотековедческую.

А. Н. Ванеев в своей работе, посвященной истории библиотековедения, использует понятия «библиотечной» и «библиотековедческой мысли», с одной стороны как синонимичные, а с другой – как близкие, но не тождественные [1]. Например, в названии одной из глав, указанной нами работы, посвященной истории библиотечной мысли XI–XVIII вв., он оперирует понятием «библиотековедческая мысль», тогда как в ее содержании встречается понятие «библиотечная мысль». Описывая более поздний период – с XIX столетия и далее – в этой же работе А. Н. Ванеев использует только понятие «библиотековедческая мысль». При этом методологические пояснения перехода от библиотечной к библиотековедческой мысли в первой четверти XIX в. не приводятся автором.

Переход от одного понятия к другому мог быть связан с формированием библиотечной науки, однако, по мнению А. Н. Ванеева, это не так. Согласно исследователю, несмотря на то, что библиотековедческая мысль получила значительное развитие в первой четверти XIX столетия, самостоятельной отраслью знания библиотековедение становится лишь к началу XX в. [1].

Другие ученые, например, В. В. Скворцов, оперируют термином «библиотековедческая мысль» и в отношении так называемого донаучного периода развития библиотековедения [2].

Таким образом, содержания понятий «библиотечной» и «библиотековедческой мысли», во-первых, не определены, во-вторых, они используются скорее на интуитивном, чем научном уровне, не имея под собой методологического фундамента. Нам представляется, что несмотря на низкую теоретико-методологическую разработанность данных понятий они обладают существенным методологическим потенциалом. Это побуждает нас обратить на них более пристальное внимание.

Остановимся на самом понятии «мысль». В самом общем смысле оно означает действие ума, разума, рассудка, конечный или промежуточный результат мышления. В контексте нашего исследования понятие «мысль» связано с мышлением как высшей формой активного отражения объективной реальности, состоящей в целенаправленном, опосредованном и обобщенном познании субъектом существенных связей и отношений предметов и явлений; творческом созидании новых идей; прогнозировании событий и действий.

В упрощенном понимании мысль – это совокупность взглядов и отражающих их суждений по вопросам институционально оформленной практической деятельности и научном в широком смысле этого слова обеспечении этой деятельности. В силу этого мысль может быть обыденной, то есть основанной на здравом смысле и практическом опыте, и научной – полученной на основе научных

методов познания. Предложенное нами понимание в целом соответствует принятой в философии науки концепции ее разделения на преднауку и науку [3, с. 161–165].

Следовательно, методика дифференциации мысли, по нашему мнению, может стать той базой, на основе которой можно выделить библиотечную и библиотековедческую формы мысли.

Опираясь на эти рассуждения, мы полагаем, что библиотечная мысль – это совокупность суждений о библиотечном деле, полученная на основе обыденных представлений и обобщений практики. Суждения выводятся «снизу», непосредственно из практики еще до зарождения науки как таковой. В силу этого библиотечная мысль, во-первых, возникает в структуре библиотечной деятельности, во-вторых, не тождественна библиотековедческой мысли, следовательно, может быть выделена сегодня.

Библиотековедческая мысль, как мы отмечали, связана с научными методами. В отличие от библиотечной мысли она формируется как бы «сверху» по отношению к реальной практике и лишь после оказывает на нее воздействие. Основное содержание библиотековедческой мысли – аналитическая оценка текущего состояния, выявление закономерностей развития в целях прогнозирования и разработки стратегии развития библиотечного дела как одного из инструментов общественного развития.

На практике библиотековедческая мысль реализуется в ходе выработки принципов по организации библиотек и библиотечных сетей, комплектованию библиотечного фонда, его внутренней организации и обеспечения доступа к нему и т. д. Говоря о библиотековедческой мысли как о форме суждений, полученных с помощью научных подходов и методов, может показаться, что она появляется лишь после выделения библиотековедения как научной дисциплины. Это не так. Мы полагаем, что на начальном этапе библиотековедческая мысль могла развиваться в структуре общественной мысли, и лишь достигнув определенного уровня развития, институализироваться в виде отдельной научной дисциплины, в данном случае – библиотековедения.

Таким образом, по степени автономности в истории библиотековедческой мысли можно выделить два этапа, первый из которых протекал в интересах и, соответственно, в структуре других научных дисциплин, в частности педагогики. Условно назовем его вспомогательным. Вторым – автономным, или самостоятельным этапом – связан с осмыслением библиотековедческой мысли в качестве самодостаточной, ориентированной не только на просветительство, но и на другие сферы общественной жизни.

Мы понимаем условность и небесспорность предложенного нами содержания практической и на-

учной мысли в библиотечной сфере, особенно учитывая современное понимание науки о библиотеке и библиотечного дела. Тем не менее считаем, что с методологической точки зрения оно продуктивно, поскольку расширяет представления об эволюции библиотечного дела и библиотечной науки.

Определение мысли в качестве библиотечной обуславливает необходимость формулирования признаков, идентифицирующих определенную деятельность в качестве библиотечной, а не книжной или иной. Применительно к ранним библиотекам до сих пор этот вопрос решался этимологически, через содержание греческого понятия «библиотека», которое буквально означает хранение книг.

Так, Б. Ф. Володин отмечает, что появление первых библиотек как учреждений, собирающих и хранящих документы письменности, обусловлено определенными изменениями в жизни человека, потребностью в письменной фиксации и передаче речевой информации. В силу этого исходная функция библиотеки – сбор и хранение документов (рукописных, печатных и т. д.), иначе говоря – функция фондообразования [4, с. 4].

Вполне естественно, что соби́рание и хранение книг должно преследовать какую-то цель. Отсюда вытекает вторая исходная функция. По Володину – это обслуживание, цель которого в пользовании книгами (чтении). В такой трактовке различия между библиотечным и книжным делом стираются и древней библиотекой фактически можно называть любое собрание книг.

Примером этого выступает традиция называть книжную коллекцию Ярослава Мудрого (ок. 978–1054 гг.) первой отечественной библиотекой. В частности Н. Н. Розова, ссылаясь на сюжет из Лаврентьевской летописи об организации Ярославом Мудрым перевода и переписки «книг многих» и указание в Изборнике 1076 г. о наличии у князя множества книг, заявляет, что это была первая отечественная библиотека [5, с. 51–59].

Иначе к первым библиотекам подходит А. Н. Ванеев. Он критикует выделение книгоохранительной функции в ее современной трактовке – сохранение культурного наследия прошлого для последующих поколений – и считает, что рассматривать данную функцию как основную и преобладающую вообще нет никаких оснований¹. Причины возникновения библиотек, по мнению исследователя, необходимо искать не во внутренних (потребность в чтении и т. д.), а во внешних, общественных потребностях, для реализации которых была учреждена библиотека.

Придерживаясь данной стратегии объяснения, в случае с книжным собранием Ярослава Мудрого, Ванеев признает, что это была библиотека, поскольку Ярослав Мудрый преследовал совершенно определенные идеологические цели и политические интересы укрепления через книгу и библиотеку влияния феодальной власти и церкви.

Методология поиска объяснения возникновения библиотеки во внешних, а не внутренних потребностях, предложенная А. Н. Ванеевым, представляется нам правильной, чего мы не можем сказать относительно выделения в качестве таковой внешней функции потребности феодальной знати в укреплении власти. По крайней мере, Ванеев на исторических фактах не показал эту роль библиотеки и не сравнил ее с другими средствами укрепления власти.

С методологической точки зрения мы полагаем оправданно рассматривать предпосылки формирования библиотечного дела комплексно, прежде всего в контексте истории книжного дела, включающего создание книги, ее распространение и использование. Нам представляется вполне естественным и очевидным, что княжеская и боярская знать, возможно, и другие жители средневековой Руси знали книгу, любили ее читать и, как следствие, приобретали, и после прочтения хранили.

Возможно, соби́рание и хранение было связано с потребностями перечитывать книги заново и/или с коллекционными целями. Не исключена и традиция продавать книги после прочтения. В любом случае это внутренние, субъективные причины, по которым отдельный человек как в прошлом, так и сегодня приобретает книги в книжном магазине и самостоятельно определяет их дальнейшую судьбу.

Книги, собранные в личном инициативном порядке, по сложившейся традиции часто определяются в качестве личных библиотек, однако в методологическом контексте в исследованиях по истории книжного дела они признаются частными книжными собраниями². Это, по нашему мнению, верно. Отметим также, что решение общественных проблем было невозможно на основе личных книжных коллекций и требовало новых организационных форм.

В случае с церковными и монастырскими книгами, речь идет о религиозной деятельности, основанной на письменных технологиях. Производство книг при этом определялось потребностями проведения церковной службы. Л. В. Столярова отмечает, что книжное производство того времени в основном ориентировалось на переписывание богослужбных и богословских рукописей [7]. Согласно

¹ Понимание того, что рукописная книга представляет собой историческую ценность для последующих поколений, по мнению А. Н. Ванеева, появилось лишь в XVII в. [1, с. 12].

² Так, в известном исследовании С. П. Луппова пятая глава, посвященная личным библиотекам, называется «Частные книжные собрания» [6].

наблюдениям исследователя, 95% сохранившихся кодексов XI–XIV вв. по своему содержанию были памятниками богослужебной, святоотеческой, житийной и церковно-юридической литературы. На этот факт обращал внимание еще М. И. Слуховский, который называл церковные книжные собрания «технической принадлежностью культа» [8, с. 45–56].

Таким образом, совокупность частных книжных собраний мы предлагаем считать проявлением книжного дела, которое подразумевает и производство книг, и использование их, включая хранение как составную часть длительного пользования.

По нашему мнению, библиотеку от книжного собрания (коллекции) существенно отличают представления о ней как о новой организационной форме использования информации, имеющей сначала книжную, а потом и иную документную форму. Прежде всего новая организационная форма предназначалась для реализации более сложных общественных задач, которые не решались на основе книжных собраний. Одна из первых таких задач (как за рубежом, так и в России) – содействие просвещению, образованию и науке.

Помимо просветительского назначения практически сразу библиотека начинает выполнять и другие общественные функции, например, культурную, досуговую. Однако удельный вес этих функций, их значимость гораздо ниже просветительской, поэтому рассматриваются нами в качестве вспомогательных или сопутствующих. Реализация просветительской функции, наоборот, определяла вектор развития всего библиотечного дела, а впоследствии и библиотечной науки.

Библиотека как новая организационная форма стала основываться на иных, специально разработанных для нее технологиях, отличных от тех, которые используются в книжном деле. Они, безусловно, возникли не на пустом месте и во многом впитали технологический опыт, накопленный в книжном деле. Тем не менее в рамках библиотеки технологии получили собственное развитие.

В первую очередь это касается комплектования. Книжное собрание формируется исходя из личных пристрастий его владельца и, как правило, по случаю. Библиотечный фонд комплектуется целенаправленно и обязательно с участием государства. Каковы исторические формы комплектации, пока сказать сложно: необходимы дополнительные исследования. Однако в самом приближенном виде к ним можно отнести целенаправленную закупку книг за рубежом, «списывание» уже имеющихся рукописей и, наконец, введение политики так называемого обязательного экземпляра.

Важнейший признак комплектования библиотечного фонда – непереносимое поддержание его актуальности (постоянное и своевременное включение

в его состав новых изданий). Существенным отличием библиотеки является организация и систематизация ее фонда, нацеленная не столько на обеспечение использования имеющихся в нем документов, сколько на решение библиотекой определенных общественных задач, в нашем случае – просветительских.

Самой простой и, вероятно, первой была технология расстановки книг по алфавиту. Это логично, если вспомнить, что алфавит использовался для обозначения цифр и систематизации документов в архиве. Мы полагаем, что переход от книжного собрания к библиотеке базируется на технологиях, связанных с систематизацией и классификацией книг на основе отнесения их содержания к определенным отраслям знания, а не начальной буквы заглавия. В итоге, если в книжном собрании мы имеем дело с учетными хозяйственными или финансовыми формами, то в библиотеке в дополнении к ним и в сочетании с ними создаются библиотечные каталоги, представляющие собой, по выражению М. Шреттингера, «сжатый и полный обзор однородной литературы» [9, с. 88]. Наконец, изменения коснулись использования книг. Они становятся не только доступными для внешнего читателя, их использование, иными словами – чтение, стимулируется, в том числе и посредством развития библиографической деятельности. Существенные изменения отразились в профессиональной лексике: на смену хранителю, чья функция связана с обереганием книг, приходит библиотекарь как организатор в первую очередь использования.

Данные технологии составили основу библиотечного дела, а их осмысление и последующее развитие – содержание библиотечной мысли. Исторически мы связываем эти процессы с Киево-Могилянской академией, основанной в Киеве в 1632 г., и с Греко-славяно-латинской академией, основанной выпускником Киево-Могилянской академии Семионом Полоцким в Москве в 1687 г.

Окончательно формирование библиотеки как новой организационной формы, по нашему мнению, произошло в ходе Петровских реформ начала XVIII в. Тогда была создана академическая библиотека, а также появились библиотеки учебных заведений. Существенное влияние на первые отечественные библиотеки учебных и научных заведений оказал опыт библиотечного строительства европейских стран.

Одним из первых государственных актов, регламентирующих библиотечную деятельность в учебных заведениях, стал Духовный регламент 1721 г. Феофана Прокоповича, выпускника Киевско-Могилянской академии, и Петра I. В восьмом пункте так называемых регул, или правил, содержащихся в Духовном регламенте, отмечается, что учитель должен пользоваться книгами, дабы не вызвать

у учеников сомнений в истинности своих слов. Девятый пункт указывает на достаточно высокую роль библиотеки в учебном заведении, в частности академическом, и дает самые общие рекомендации по организации библиотечной работы.

В результате новых представлений о библиотеке как учреждении, удовлетворяющем общественные потребности в знании, и библиотекаре как сотруднике, обеспечивающем процессы получения познания, изменилось определение библиотеки в отечественной литературе. Впервые новое определение зафиксировано в «Лексиконе» Татищева, при этом оно противопоставлялось так называемому книговедческому определению, трактовавшему библиотеку как любое книжное собрание.

В XIX столетии увеличиваются возможности и растет потенциал библиотеки: теперь ее рассматривают не только как элемент образования и/или научной деятельности, но и в качестве инструмента просвещения самых широких слоев населения, включая самообразование. Постепенное развитие библиотечного дела и просвещения способствовало появлению новых общественных библиотек, ориентированных не столько на ученых и преподавателей, сколько на тех, кто стремился к самообразованию. Это в свою очередь стимулировало развитие библиотечных технологий, ориентированных на организацию массового обслуживания населения. Данные изменения фиксируются законодательно. Так, в Манифесте, изданном в 1817 г., библиотеки определялись как заведения, способствующие учебному образованию и распространению познаний [10].

Показателем развития отечественной библиотечной мысли середины XIX в. становится первое отечественное пособие по библиотечному делу для общественных библиотек [11, 12]. Его подготовил старший библиотекарь Императорской публичной библиотеки Василий Иванович Соболевский (1808–1872 гг.), названный впоследствии родоначальником русского библиотековедения [13, с. 127]. В 1859 г. книгу В. И. Соболевского перевели на французский язык и издали в Париже, что свидетельствует о ее высоком научном уровне [14].

Критически анализируя достижения зарубежной библиотечной мысли, опыт работы зарубежных библиотек, почерпнутый из профессиональной литературы, В. И. Соболевский ставит вопрос о функциях современной публичной библиотеки. Библиотеки существуют для того, отмечает он, чтобы снабжать книгами людей, ищущих сведений [11, кн. 11, отд. II, с. 153]. Комментируя этот взгляд с позиции современного библиотековедения, можно сказать, что исследователь одним из первых выделил информационную функцию в качестве основной, по крайней мере применительно к публичным библиотекам. Реализацию информационной функ-

ции В. И. Соболевский связывал с развитием библиотечной систематизации и каталогизации. В качестве варианта размещения книг в фонде им был предложен «форматно-крепостной» порядок, при котором книги расставлялись по их физическому размеру (формату). За каждой книгой закреплялось строго определенное место, которое впоследствии не менялось.

Сразу после публикации пособия по организации общественных библиотек В. И. Соболевский получает возможность познакомиться с опытом работы ведущих европейских библиотек. В 1860 г. исследователь подготовил обзор, в котором он изложил достаточно критический взгляд на организацию библиотечного дела крупнейших библиотек Европы [15]. Это, безусловно, не первое обращение к зарубежному опыту³, однако отличие в том, что автор не просто описывает организацию работы зарубежных библиотек, а выявляет как положительные, так и отрицательные ее стороны, дает сравнение с отечественными библиотеками. Поэтому можно сделать вывод о начале использования научного, в данном случае сравнительного, метода и поставить вопрос о появлении первого библиотековедческого исследования.

Подводя итоги развитию библиотечного дела середины XIX столетия, отметим, что именно к этому времени сформировались как внутренние, так и внешние предпосылки для возникновения и развития нового феномена, определяемого сегодня как библиотековедческая мысль.

Под внутренними предпосылками мы понимаем уровень развития библиотечного дела, при котором возникает потребность в специальных знаниях. По нашему мнению, это объясняется построением национальной системы библиотек, включающей научные, учебные и публичные типы, реализующие близкие, но не тождественные функции.

Внешней предпосылкой стало зарубежное библиотековедение, достижения которого достаточно оперативно освоили отечественные специалисты. Оценивая характер библиотековедческой мысли с 1860-х гг. и до начала XX столетия, отметим ее не систематический, инициативный характер. Доминировали работы исторического характера [17–19].

Помимо исторических и методических вопросов на рубеже XX в. известным русским религиозным мыслителем и философом, сотрудником Румянцевского музея (ныне РГБ) Николаем Федоровичем Федоровым (1828 или 1829–1903 гг.) исследуются чисто теоретические вопросы. В частности,

³ Интерес к деятельности зарубежных библиотек, их истории возник еще в первой половине XIX в. Журнал Министерства народного просвещения по данной проблеме опубликовал значительное количество статей. Однако, как отмечает Б. Ф. Володин, они отличались не критическим подходом [16].

разрабатывается оригинальная отечественная концепция единого библиотечного и музейного дела. В первую очередь она касается развития библиотек как научно-образовательных и культурно-нравственных учреждений.

Характеризуя состояние отечественного библиотечного дела, Н. Ф. Федоров отмечает, что при нынешнем положении библиотек, вызванном крайним размножением книг, нравственная основа затемняется, так как библиотека обращается в простое книгохранилище с отделением для чтения книг [20, т. 3, с. 220]. В основе концепции автора тезисы о том, что библиотека должна быть не читальней, не забавой, а местом для исследований, что библиотека есть или должна стать культом не книг, а сочинителей этих книг, но не просто, а в духе истины, то есть исследованием.

Развивая свою концепцию, Н. Ф. Федоров выступает за объединение ведущих отечественных публичных библиотек и музеев с университетами и научными сообществами. При таком преобразовании, считает мыслитель, профессора будут библиотекарями относящихся до их предмета отделов библиотеки, хранителями различных коллекций, собраний, руководителями студентов в их занятиях, а студенты станут помощниками профессоров – библиотекарей и хранителей различных коллекций. В обязанности студентов войдет составление каталогов, указателей и различных пособий. Все занятия должны быть систематически разделены между студентами. При таком устройстве университета-музея совокупность профессоров и студентов представит живую библиотеку, живой музей, в котором не останется ни одной книги, ни одного предмета неизвестным, без употребления [20, т. 4, с. 490].

Превратить библиотеку в научное и образовательное учреждение, по мнению Н. Ф. Федорова, позволят новые принципы систематизации, основанные на календарном порядке расположения книг. Только библиотека, отмечает ученый, расположенная календарным порядком, по дням смерти авторов, сочинителей, заключающая в себе волею-неволею требование поминовения, то есть восстановления по произведениям самого автора, может быть *открытой книгой*. Это означает, что библиотека не остается простым хранилищем, ни одна книга в ней не останется забытой, для каждой наступит очередь, будет назначено время изучения [20, т. 3, с. 433].

Достаточно оригинальными выглядят суждения Н. Ф. Федорова о коммуникационном значении библиотеки, ее роли в объединении прошлого и настоящего всего человеческого братства. Как отмечает Федоров, «соединение специалистов, то есть экспертов по всем небратским состояниям, составляющим предметы особых наук, всех, без всяких

исключений, соединение их в библиотеке, заключающей все сведения, все документы и вещественные свидетельства, относящиеся к делу о небратском состоянии, – такое соединение и образует музей, имеющий целью составление проекта объединения в общем союзе братства» [20, т. 2, с. 438].

Безусловно, что концепция развития библиотек Н. Ф. Федорова сегодня нуждается в критическом осмыслении, однако сам факт ее создания в конце XIX в. свидетельствует об уровне развития оригинальной отечественной библиотековедческой мысли.

Подводя предварительные итоги, отметим, что понятие «мысль» в истории библиотечной науки обладает существенным методологическим потенциалом. Оно, во-первых, наполняет реальным теоретико-методологическим содержанием сложившиеся прежде и применяемые на интуитивном уровне понятия «библиотечной» и «библиотековедческой мысли». В предлагаемом нами контексте библиотечная мысль связывается с разработкой библиотечной техники и технологии на основе обобщения повседневного опыта и обыденных знаний.

В отличие от библиотечной мысли библиотековедческая мысль связывается нами с использованием научных методов, начиная с исторического и сравнительного методов. Безусловно, что после формирования библиотековедения как научной дисциплины, оба этих понятия достаточно сблизилась. Сегодня разделить их на практике зачастую очень сложно, хотя в ряде случаев возможно. Однако подчеркнем еще раз, в историческом контексте понятия формировались автономно, что, во-первых, позволяет их рассматривать дифференцированно. Во-вторых, дает возможность по-новому, более широко проанализировать исторические взаимосвязи библиотечного и книжного дела, выделить в конкретном историческом исследовании собственно библиотечные процессы, методологически отделив их от книжных и иных⁴, исследовать в «чистом» виде. В-третьих, можно структурировать историю формирования отечественной библиотечной науки, особенно на этапах предшествующих ее институциональному оформлению, которое произошло на рубеже XIX–XX вв.

⁴ Проводя методологический водораздел между книжным и библиотечным делом, мы, безусловно, отдаем отчет, что в реальности отдельные, наиболее крупные частные книжные собрания зачастую при жизни их владельцев или сразу после их смерти передавались в учебные заведения, музеи, и на их основе создавались соответствующие библиотеки. Например, коллекция книг графа Н. П. Румянцева была передана в дар Министерству народного просвещения и стала впоследствии основой Румянцевского музея, предтечей современной РГБ. Однако подобная трансформация лишь подтверждает генетическую связь книжного и библиотечного дела, имеющих одни истоки, но выполняющих различные социальные роли и развивающихся самостоятельно.

Подчеркнем, что в рамках данной статьи мы лишь наметили основные методологические контуры развития науковедческой категории «мысль» в библиотековедении и библиотечном деле. Данная проблема, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке.

Литература

1. Ванев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в России (XI – начало XX в.). – М. : Пашков дом, 2003. – 303 с.
2. Скворцов В. В. Развитие представлений о сущности библиотековедения как науки // Библиотековедение: вчера, сегодня, завтра : тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва 23–25 апр. 1996 г. – М., 1996. – Ч. 1. – С. 26–29.
3. Степин В. С. История и философия науки : учеб. для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – 2-е изд. – М. : Акад. проект : Трикта, 2012. – 423 с.
4. Володин Б. Ф. Всемирная история библиотек. – СПб. : Профессия, 2002. – 352 с.
5. Розов Н. Н. Русские библиотеки XV в. и их читатели // Русские библиотеки и их читатели (по материалам русской культуры эпохи феодализма). – Л., 1983. – С. 51–59.
6. Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время (1725–1740 гг.). – Л., 1976. – 380 с.
7. Столярова Л. В. Древнерусское книгопроизводство XI–XIV вв.: по материалам записей на книгах : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М., 2002. – 40 с.
8. Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII века: Из истории книжного просвещения. – М., 1968. – 232 с.
9. Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. В 2 т. Т. 2. – М. : Кн. палата, 1959. – 563 с.
10. Манифест об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения // Полный свод законов Российской империи. – Первое собр. – Т. 34. – Ст. 27106.
11. Соболющиков В. И. Об устройстве общественных библиотек и составления их каталогов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1858. – Ч. 100, кн. 10, отд. 2. – С. 97–126 ; Ч. 100, кн. 11, отд. 2. – С. 129–155.
12. Соболющиков В. И. Об устройстве общественных библиотек и составления их каталогов. – СПб., 1859. – 56 с.
13. Громова А. А. Первое руководство по библиотечному делу в России // Библиотеки СССР. Опыт работы. – 1961. – № 15. – С. 113–127.
14. Sobolstchikoff V. Principes pour l'organisation et la conservation des grandes bibliothèques. – Paris, 1859. – 72 p.
15. Соболющиков В. И. Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1860. – 89 с.
16. Володин Б. Ф. Взгляды В. И. Соболющикова на работу библиотек Западной Европы // Советское библиотековедение. – 1978. – № 6. – С. 68–76.
17. Соболющиков В. И. Императорская Публичная библиотека в эпоху перехода в ведомство Министерства народного просвещения. (Краткий очерк ее прошедшего и настоящего). – СПб : Тип. И. Огризко, 1863. – 72 с.
18. Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. В 2 т. – СПб., 1870–1873.
19. Белокуров С. А. О библиотеках московских государей в XVI столетии. – М. : Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. – 336 с.
20. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений. В 4 т. / сост., подготовка текста и коммент. А. Г. Гачевой, С. Г. Семеновоной. – М. : Традиция, 1999.

Материал поступил в редакцию 02.07.2014 г.

Сведения об авторе: *Плешкевич Евгений Александрович – доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела библиотековедения, e-mail: ear1966ear@mail.ru*